Новые издания: рецензии, отзывы

УДК 94(47) DOI: 10.22378/kio.2020.1.225-240

«А более ста тысяч рати у меня есть…». Военное дело Крымского ханства в Новое время: рецензия на монографию А. А. Шейхумерова «Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.)». Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 304 с.

Виталий Пенской

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация. В минувшем году свет увидело исследование молодого крымского историка А. А. Шейхумерова, посвященное военному делу Крымского ханства в Новое время (XV–XVIII вв.). Целью своей работы автор выбрал тему, явно не относящуюся к числу популярных и активно разрабатываемых в отечественной исторической науке (для которой вообще нехарактерна любовь к подобного рода сюжетам). Отказавшись от описательного подхода и выбрав в качестве основного проблемный, исследователь сконцентрировался на анализе ключевых сюжетов из истории развития крымского военного дела Нового времени. Как результат, данная книга представляет собой первый в современной российской историографии очерк, позволяющий составить целостное представление об основных особенностях военного дела крымских татар. В рецензии дается краткая характеристика структуры и содержания работы и отмечены некоторые дискуссионные моменты в концепции автора и его интерпретациях отдельных моментов истории эволюции крымского военного дела.

Ключевые слова: Новое время, военная история, история военного дела, Крымское ханство.

Для цитирования: *Пенской В. В.* «А более ста тысяч рати у меня есть…». Военное дело Крымского ханства в Новое время: рецензия на монографию А. А. Шейхумерова "Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.)" // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 225–240. DOI: 10.22378/kio.2020.1.225-240

«Война есть… подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами» [2, с. 47]. Так почти два столетия назад прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц охарактеризовал то место, которое занимала война в жизни европейского общества Нового времени. Преследуя свои политические интересы, монархи Нового времени без особых раздумий пускали в ход ultima ratio regum, когда убеждались в том, что все остальные способы убедить «партнеров» принять их точку зрения не оказывали нужного воздействия. В условиях, когда политический вес и авторитет того или иного государства напрямую определялся эффективностью его военной машины, ее способностью достичь поставленной верховной властью цели на полях сражений, в походах и боях, немудрено, что развитию военного дела в государствах Нового времени уделялось первостепенное внимание.

Естественно, что это не могло не сказаться и в том, как освещалась долгое время история Нового времени в трудах историков. Политическая история на протяжении долгого времени рисовалась прежде всего как история военная и дипломатическая. Лишь в XX веке акценты в реконструкции прошлого начали смещаться, однако проблемы, связанные равно и с историей военной как историей битв и сражений, и историей военного дела (то, что в современной западной историографии именуют термином «warfare»), по-прежнему остаются достаточно популярными в исследованиях зарубежных историков.

Этого, к сожалению, нельзя сказать об отечественной историографии. Для нее издавна сюжеты, связанные и с военной историей, и с историей военного дела в особенности, находились на периферии исследовательских интересов и рассматривались преимущественно постольку, поскольку они касались других, более важных на то время тем. Отчасти это компенсировалось тем, что изучением вопросов, связанных с историей войн и военных конфликтов, занимались историки в погонах, однако их интересовали преимущественно прикладные темы, да и в плане сугубо профессиональной подготовки они зачастую уступали историкам гражданским, в результате чего качество военно-исторических штудий далеко не всегда было удовлетворительным. К счастью, в последние десятилетия ситуация с военно-историческими штудиями в России начала медленно выправляться. И хотя вопросы, касающиеся изучения особенностей развития военного дела и в самой России, и тем более за ее пределами, как и прежде, явно не попадают в «мейнстрим» официальной исторической науки и исследуются главным образом энтузиастами, среди ко-

торых немало непрофессионалов, тем не менее общий положительный тренд налицо. И есть надежда, что со временем количество постепенно трансформируется в качество, тем более что на хорошую военно-историческую литературу в российском читающем сообществе сохраняется пусть и небольшой, но устойчивый спрос. Об этом косвенно свидетельствует достаточно стабильный поток новинок военно-исторической литературы, выпускаемой отечественными издателями, причем, что характерно, достаточно разнообразных по тематике и целевой аудитории.

Работа молодого крымского исследователя А. А. Шейхумерова «Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.)», как может показаться на первый взгляд, исходя из ее названия, не претендует на всеобъемлющий характер и касается лишь отдельных, хотя и важных, вопросов развития военного дела Крымского ханства на исходе средневековья и в Новое время. Однако это первое впечатление обманчиво, поскольку в самом тексте автор попутно рассматривает целый ряд других вопросов, связанных с особенностями складывания, функционирования и эволюции (что особенно важно, поскольку временные рамки исследования охватывают без малого четыре столетия) крымской военной машины.

Из аннотации к работе следует, что «монография посвящена важным и малоизученным аспектам истории крымских татар: организации и тактике вооруженных сил Крымского ханства». В том, что проблема действительно является явно недостаточно исследованной, автор показывает, анализируя историографию вопроса (с. 8–22), особенно подробно рассматривая состояние изучения проблемы историками тех стран, которые наиболее активно контактировали, в т. ч. и в военном отношении, с Крымским ханством в XV–XVIII вв., а именно России, Украины и Польши. И в целом всякий, кто маломальски знаком с темой, согласится с мнением А. А. Шейхумерова, подытожившего историографический раздел своей книги словами: «В большинстве перечисленных нами работ мировой историографии военное дело крымцев рассматривается либо вскользь, в рамках военной истории, либо изучались лишь отдельные его аспекты» (с. 22). Вывод справедливый и вместе с тем в известной степени парадоксальный, ибо, как совершенно точно подметил исследователь, при том, что существует немало посвященных материальной и духовной культуре крымскотатарского народа и политической истории Крымского ханства исследований, а вот специальных работ по истории крымского военного дела нет и по сей день, «хотя военное дело являлось наиболее запоминающейся современникам сферой крымской культуры» (с. 5).

Отчасти такое положение сложилось в связи с отмеченной автором «Армии Крымского ханства» определенной политизации и идеологизации проблемы (с. 6), но не меньшее значение сыграло также и состояние источниковой базы. Ее анализу А. А. Шейхумеров посвятил отдельный раздел сво-

ей работы. Характерной ее особенностью является отмеченное автором превалирование нарративных источников с присущим для них субъективизмом в оценках, определенной предвзятостью и зависимостью от культурной традиции (в этом случае нельзя не вспомнить замечание В. М. Тюленева, которое было сделано, правда, по другому случаю, но, по сути, подходящему и к нашему. Историк тогда писал, что «нам хотелось бы преодолеть традиционный функциональный подход современных историков к произведениям исторической прозы перестать видеть в них исключительно поставщиков информации», ибо «каждый писатель, бравшийся за перо историка, обладал некоторой суммой взглядов на прошлое и настоящее, философией истории, исходя из которой, он и организовывал исторический материал, привлекал те или иные источники» [9, с. 9–10]). Отрадно отметить, что А. А. Шейхумеров при использовании нарративных источников, в особенности европейских, придерживается этой позиции (с. 24–25).

В целом знакомство с первым разделом монографии оставляет благоприятное впечатление – автор проделал большую работу по выявлению и анализу литературы и источников (самого разнообразного характера и свойства), причем постарался сделать эту выборку максимально репрезентативной, привлекая для анализа особенностей развития крымского военного дела материалы с разных сторон. Такой подход, несомненно, не только дает своего рода «стереоскопический» эффект, но и позволяет с бóльшим доверием отнестись к предлагаемым А. А. Шейхумеровым положениям и выводам.

Перейдем теперь к характеристике основной части работы, состоящей из двух частей. Первая из них, «Организация армии Крымского ханства», посвящена, как следует из ее названия, внутренней структуре крымского войска. Вторая часть, «Тактика войск Крымского ханства», соответственно, рассматривает вопросы, связанные с анализом действий ханских ратей непосредственно на поле боя.

Со страниц II главы исследования войско Крымского ханства предстает перед глазами читателя отнюдь не неорганизованной ордой плохо экипированных всадников на маленьких лошаденках, но достаточно сложно устроенной пусть не машиной (оставим это определение для европейских армий Нового времени, рационально организованных и структурированных согласно всем правилам современной военной науки), но системой достаточно эффективной для своего времени. «Можно выделить следующие структурные составляющие крымскотатарского войска: ханская гвардия (отряды служилой аристократии и ездящая пехота); *нукеры* беев, мурз и султанов; ополченцы-*сеферлю,* рекрутируемые для похода из простого населения», – пишет А. А. Шейхумеров. Кроме того, непременным составным элементом крымского воинства были слуги (казанджи/кошчу) и волонтеры, а также союзники

и подданные крымских ханов – от ногаев до казаков и кавказских горцев, завершает своей перечень автор (с. 32).

Перечислив эти составные элементы, далее автор подробно характеризует их. На наш взгляд, наиболее любопытными и примечательными являются те сведения, которые сообщает исследователь, рассказывая о конной и пешей ханской «гвардии», в особенности о последних – ханских тюфенкджи/сейменах, которые представляли собой ездящую пехоту, оснащенную ручным огнестрельным оружием. Появление этого рода войск в составе ханской армии (наряду с артиллерийскими частями) представляет собой яркий пример попытки адаптировать традиционные кочевые военные институты к условиям т. н. «пороховой» (или «военной) революции Нового времени. Это явление наглядно подтверждает тезис автора исследования о том, что крымскотатарское военное дело не стояло на месте, но активно развивалось, впитывая в себя иноземные военные новшества. Вместе с тем стоит заметить, что, говоря о времени появления ханской пехоты как более или менее постоянного профессионального компонента крымского войска, находящегося на ханском содержании, стоит отнести его к самому началу XVI или даже к концу XV в. (как можно предположить, исходя из переписки Менгли-Гирея I и Ивана III).

Весьма любопытным и небезынтересным представляется анализ мобилизационной практики, характерной для Крымского ханства. Автор исследования четко разделяет постоянный боевой компонент крымского войска, который составляли ханская гвардии и «дворы» крымской аристократии (их можно охарактеризовать как наиболее подготовленный, надлежащим образом экипированный и мотивированный профессиональный элемент крымской военной системы), и «ополчение», созываемое в случае необходимости из числа рядовых крымцев. А. А. Шейхумеров совершенно справедливо подчеркивает, что регулярные тотальные мобилизации всего боеспособного мужского населения ханства неизбежно подорвали бы крымскую экономику и способствовали бы разорению массы простых подданных ханов (с. 61). Поэтому (и с этим мнением стоит согласиться) такого рода мобилизации были экстраординарным случаем, а обычной полагалась норма призыва по 1 всаднику от 5 домов, а то и меньше (с. 62–63). Отсюда проистекает и подчеркиваемая автором невозможность для крымских ханов выставить в поле «тьмочисленные», насчитывающие многие десятки тысяч всадников, полчища. Впрочем, содержать полевую армию в несколько десятков (не говоря уже о сотне или более) тысяч бойцов в то время (да и много позже тоже) не могло ни одно государство, даже обладавшее более развитым административным аппаратом, чем Крымское ханство.

И, подводя итог этого раздела монографии А. А. Шейхумерова, отметим, что приведенные им сведения относительно структуры крымского войска представляют интерес еще и с точки зрения изучения особенностей развития

военного дела в переходные эпохи, какой, без сомнения, являлось раннее Новое время – время, когда формировались основы крымскотатарской военной системы как результат попытки осуществить синтез старой доброй кочевой военной традиции с новыми веяниями, связанными с т. н. «пороховой революцией». Правда, крымцы не смогли пройти эту дистанцию до конца, но почему – это, пожалуй, предмет отдельного разговора, явно выходящего за рамки этого исследования.

Традиционный характер крымской военной системы наглядно просматривается и из анализа организации ханского войска, который был осуществлен автором «Армии Крымского ханства». А. А. Шейхумеров полемизирует с утвердившейся в отечественной (и украинской, которая, впрочем является генетически продолжением советской) историографии традицией применять к организации крымскотатарского войска т. н. «десятичную» систему. Разобрав сведения, которые сохранились в источниках, исследователь пришел к выводу, что «принятая в русской и украинской традиция деления крымского войска по десятичному принципу (десятки, сотни, тысячи) равно как и польская традиция (*торхаки* и *чамбулы*) представляются нам не отражающими существовавшие реалии» (с. 90).

В самом деле, ведь перед нами не регулярная постоянная армия на полном содержании у верховной власти, которая имеет закрепленную в нормативных актах четкую, устоявшуюся структуру и организацию, а вполне традиционное войско, которое к тому же в значительной степени независимо от государства в лице хана. И такое традиционное войско, естественно, будет строиться на иных, нежели постоянная армия, началах – территориальных, кровнородственных, семейных, клановых, патрон-клиентских и др. При таких раскладах математическая точность в организации просто недостижима в принципе, а все названия организационных единиц («тьмы», «тысячи», «сотни» и «десятки»), встречающиеся в источниках, неизбежно будут носить условный характер. В лучшем случае их можно полагать некими административными терминами, которые отражают мобилизационные возможности той или иной единицы.

Другое дело – ханская «гвардия», в особенности наемная пехота, а также иные квазипостоянные крымские военные формирования. В этом случае элементы более четкой внутренней организации становятся и возможными, и практически неизбежными. Поэтому, принимая в первом приближении предложенную автором исследования реконструкцию внутренней организации крымскотатарского войска (от *коша*, насчитывавшего несколько человек, к *болюку* и далее к *байраку* и *алаю*), оговоримся, что эти организационные элементы применительно к татарскому «ополчению», «дворам» крымских аристократов и ханской «гвардии» неизбежно будут иметь разный характер. Тот же самый *алай*, который можно перевести как «*полк*» или «*корпус*», мог

представлять собой тактическое соединение, включающее в себя несколько разнородных отрядов, действующих под единым командованием. При этом командные структуры и отношения в алае выстраивались по принципу личной преданности, семейственности и патрон-клиентских связей, а внутреннее единство и спайка его составных частей достигалась посредством долгой совместной практики и «притирки» отдельных элементов друг к другу.

Весьма любопытным является раздел второй главы, посвященный некрымским компонентам ханского войска. Автор подробно рассматривает роль, которую играли в военных усилиях ханства не только ногаи, но и представители народов, населявших Южный берег Крыма (в т. ч. и продолжавших исповедовать христианство или иудаизм), рабы-вольноотпущенники, казаки и перебежчики. Кстати, относительно последних А. А. Шейхумеров пишет, что «хотя Крым и имел в глазах европейцев мрачную репутацию места, куда лучше не попадать, примеры добровольного бегства к крымским татарам во время военных кампаний имеются…» (с. 114). И после ознакомления с этим параграфом работы автора содержащиеся в русских поручных записях и грамотах требования не отъезжать не только «в Литву» или «в Немцы», но и «в Крым», выглядят несколько иначе, чем просто прихоть царя-тирана.

«Регулярная армия Шахин-Гирея (1775-1783)», последний раздел 2-й главы работы, образует пусть и небольшой, но важный и ценный элемент исследования, предпринятого А. А. Шейхумеровым. Эта страница истории крымскотатарского войска и крымского военного дела даже на общем фоне неудовлетворительного состояния исследований в этой сфере выделяется не в лучшую сторону. По существу, в данном случае можно вести речь о первом более или менее полноценном очерке истории военных реформ, предпринятых в конце существования Крымского ханства как политического субъекта.

Начиная этот раздел, историк задает вполне закономерный вопрос: «Почему, несмотря на уменьшающуюся на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. эффективность своих действий, крымские татары сохраняли архаичную военную организацию до последних лет существования своего государства?», почему «вестернизация» крымского войска не началась раньше, в 1-й половине или даже начале XVIII в.? Автор считает, и вполне обоснованно, что «было бы ошибкой считать затянувшуюся консервацию военных институтов Крымского ханства показателем отсталости» (с. 121).

Почему с такой точкой зрения можно согласиться? Рассмотрим аргументы, которые А. А. Шейхумеров приводит в пользу такой точки зрения. Он исходит из того, что «для успешного формирования боеспособной регулярной армии требовалось несколько условий», а именно «решить вопрос ее содержания» (с. 122), и этот вопрос, по нашему мнению, надо полагать архиважным. Армия Нового времени предполагает не только наличие соответствующих ресурсов, и не только людских, финансовых и материальных

(оружие, порох, прочая амуниция и снаряжение, провиант и фураж, кони и т. д. – да много ли чего еще требует современная армия для того, чтобы успешно вести боевые действия?). Нет, важно не только это (и, быть может, даже не столько это), но в первую очередь наличие соответствующего административного ресурса, грубо говоря, соответствующей «мускулатуры» власти, благодаря которой она способна мобилизовать необходимые ресурсы и направить их на решение этой задачи, сохраняя при этом порядок и управляемость в обществе.

Вывод, к которому приходит автор, вполне логичен и расставляет все по своим местам. «Богатые централизованные империи имели достаточно ресурсов для создания массовой постоянной армии, – пишет А. А. Шейхумеров. – Крым такой возможности не имел», ибо регулярные армии Нового времени, насчитывавшие десятки и порой даже сотни тысяч солдат и офицеров (на пике своей мощи, на рубеже XVII/XVIII вв., армия Людовика XIV насчитывала порядка 400 тыс. чел. [11, p. 299]), обходились весьма и весьма недешево, составляя лишь несколько процентов от общей численности населения страны (во французском случае – порядка 2–2,5%). «В Крымском ханстве с его ограниченными ресурсами и несколькими сотнями тысяч жителей регулярная армия составила бы всего несколько тысяч человек и, вероятнее всего, была бы разгромлена намного более многочисленным неприятелем в первом же столкновении», – указывал автор (с. 122). Поэтому крымские ханы и военачальники были вынуждены, осознавая преимущества своих неприятелей, довольствоваться тем, что было у них в руках, по одежке протягивая ножки, компенсируя недостатки своих армий за счет тактики и личных качеств своих воинов.

Надо сказать, что получалось это у них это довольно долгое время неплохо – А. А. Шейхумеров приводит немало свидетельств того, как иррегулярные по своей сути татарские армии противостояли не только, к примеру, полякам, но и армиям Российской империи. Другое дело, что подобного рода тактика «малой» войны и партизанщина оправдывали себя до поры до времени лишь в условиях весьма специфического театра военных действий. Голые и безлюдные пространства Северного Причерноморья и южнорусских степей позволяли легкой татарской коннице выбирать место и время для атак на медлительные русские армии, привязанные к свои обозам, – запас пространства и времени позволял ей это делать. Но как только это преимущество исчезло, то и работать не то чтобы эффективно, но и просто удовлетворительно такая тактика перестала. Иван Грозный в зените своего наступления на Крым в конце 50-х гг. XVI в. не рискнул послать свое войско в поход непосредственно на Крым, стартуя фактически с Оки; князь В. В. Голицын спустя 130 лет дошел с превеликими трудами степью до Перекопа, начав марш значительно южнее; фельдмаршал Б. К. Миних через полвека преодолел укрепления

Перекопа и вторгся в Крым, имея за спиной меньше верст, чем Голицын, но понес при этом изрядные потери, а генерал-аншеф В. М. Долгоруков в 1771 г. повторил успех Миниха, но с меньшими затратами – и все потому, что передовые рубежи Российского государства сблизились с владениями крымских ханов чуть ли не вплотную. Поэтому и проводимая автором аналогия с действиями русских войск в 1812 г. не слишком удачна – как бы то ни было, территория западных губерний Российской империи, ставшая театром военных действий в Отечественную войну, все же не Дикое Поле.

Что же касается военной реформы Шагин-Гирея, то, пожалуй, когда автор пишет о том, что она стала возможна только после смены внешне- и внутриполитических ориентиров Бахчисарая, с этим стоит согласиться: «Для поддержания порядка в стране, подавления оппозиции и ограниченных походов против черкесов действительно была бы нужна маленькая вестернизированная армия» (с. 124). Подчеркнем при этом, что первые две задачи в этом случае носили первостепенный характер. Другое дело, что консервативное («холодное», по классификации К. Леви-Стросса) татарское общество отвергло эту реформу, и эта причина должна быть поставлена на первое место среди названных автором исследования (с. 131). Переломить же сопротивление реформе Шагин-Гирей не сумел, поскольку сама государственная организация Крымского ханства оказалась не готова к столь радикальным шагам – хан-реформатор не имел в своем распоряжении соответствующего административного ресурса, государственного аппарата с «прокачанной мускулатурой» (опять же – как тут не вспомнить теорию «военной революции», предложенную М. Робертсом, увязывавшую военные преобразования с реформами административными! [См.: 12]). Так что здесь мы не согласимся с мнением А. А. Шейхумерова, который полагает, что при постепенном характере преобразований и более аккуратных действиях Шагин-Гирея эта реформа имела некоторые шансы на успех (с. 131). Здесь нужны были более серьезные и глубокие, действительно революционные преобразования, затрагивавшие самые основы жизни крымского общества – одного ханского желания, даже если это харизматичная личность, здесь мало, тем более, если результаты реформы должны иметь пролонгированный характер.

В третьей и последней главе «Армии Крымского ханства» А. А. Шейхумеров подробно анализирует тактику крымскотатарского войска в походах и боях XVI–XVIII вв. (преимущественно, конечно же, на материалах XVII и XVIII столетий как наиболее полно представленных в источниках – впрочем, все исследование построено главным образом на анализе источников именно этого периода). «Крымцы считали сражения на открытой местности своей стихией», – пишет автор и, продолжая свою характеристику, подчеркивает, что, «превосходя своих противников в подвижности кавалерии, они делали ставку на действия в открытом поле, на внезапные атаки, избегали

по возможности штурмов подготовленных в бою оборонительных позиций» (с. 132, 133). Внезапность, стремительность в атаке, ставка на фланговый маневр и обход с целью атаковать неприятеля с тыла, активное и широкое применение всякого рода военных хитростей и стратагем, действия на коммуникациях, нацеленные на изнурение противника, вообще «малая» война, равных в которой татарам среди их восточноевропейских противников (что русских, что поляков с литовцами) не было (за исключением, может быть, только казаков) – это, по мнению исследователя, и есть «визитная карточка» татарской тактики.

Вместе с тем автор подчеркивает, что, вопреки устоявшемуся мнению, нельзя сказать, что крымцы всячески уклонялись от рукопашного боя. Да, безусловно, стрелковая тактика («лучный бой») доминировала в их действиях на поле боя, но и от атак с саблей наголо татары вовсе не уклонялись. При этом, подчеркивает А. А. Шейхумеров, с течением времени «мечное сечение» обретает все более распространенный характер (с. 160–161). Очевидно, полагает автор, это было связано с изменением характера и противника, и войн, которые вели в конце XVII–XVIII вв. крымские татары, а также падением эффективности применения лука в полевых сражениях против регулярных армий, хорошо оснащенных огнестрельным оружием, дисциплинированных и обученных новой линейной тактике (на что указывает А. А. Шейхумеров на с. 169 своего исследования). В итоге на закате существования крымской государственности, пишет автор, «представляла собой комбинацию действий ружейной пехоты, действующей в рассыпном строю (в том числе в горно-лесистой местности), и кавалерии, сочетающей атаки холодным и **огнестрельным оружием**» (с. 166).

Мы не случайно выделили окончание цитаты. Дело в том, что, опять же традиционно, принято считать, что татары негативно относились к огнестрельному оружию, и это отношение как будто подтверждается свидетельствами современников (которые приводит автор монографии на с. 173–174). Однако, показывает А. А. Шейхумеров, это только одна сторона медали. Другая же, оборотная, свидетельствует об обратном. Крымцы хорошо осознавали преимущества обладания огнестрельным оружием, и ханы довольно рано подключились к процессу «пороховой» революции (другое дело, что темпы включения в этот процесс оказались явно недостаточными, но это тема отдельного исследования). О наличии в составе ханского войска пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, и артиллерии уже было сказано выше (причем, подчеркнем, свидетельства о их существовании относятся уже к началу XVI в.). Однако только во 2-й половине XVIII в. огнестрельное оружие, отмечает автор, стало завоевывать широкую популярность среди рядовых татарских воинов (с. 185). А. А. Шейхумеров при этом подчеркивает, что представления об определенной технологической отсталости Крыма от России

в области производства ручного огнестрельного оружия преувеличены, на что мы ответим – и да, и нет. Если относиться к мушкету или пистолету как произведению искусства, своего рода «шедевру», то, конечно да, можно даже сказать, что изделия крымских ремесленников даже превосходили по качеству изготовления и отделки оружие русской пехоты и кавалерии XVIII в. (с подобными казусами столкнулись русские войска во время Кавказской войны, а французы – во время кампаний по покорению Алжира в XIX в.). Однако это ремесленное производство не могло соревноваться с русскими оружейными мануфактурами, и качество неизбежно должно было (и так оно и случилось) уступить количеству.

Кстати, говоря об огнестрельном оружии, стоит упомянуть об использовавшейся крымскими военачальниками в XVI в. (по крайней мере, при Сахиб-Гирее и Девлет-Гирее) тактике совместного применения вооруженной огнестрельным оружием пехоты, легкой артиллерии и конницы на поле боя (о чем автор монографии говорит вскользь, мимоходом на с. 199). Два наиболее известных таких примера – это сражение с ногаями на подступах к Перекопу зимой 1548/49 г., описанное придворным хронистом Сахиб-Гирея Реммалем-ходжой [1, с. 209–210], другой случай – сражение при Судьбищах в июле 1555 г. [см.: 4]. И в том, и в другом случае ханская пехота, засевшая в таборе, своим огнем, поддержанным пальбой полевой артиллерии, отразила атаку неприятельской конницы, а контратака крымской конницы довершила поражение противника. Два этих примера, пропущенные А. А. Шейхумеровым, служат ярким подтверждением следующего его тезиса: «Способ ведения боевых действий крымскотатарских полководцев был сугубо прагматичен и продиктован желанием использовать сильные стороны своей армии, лишив противника его преимуществ» (с. 134).

Отметим также и несколько случаев применения крымцами артиллерии в полевых сражениях и во время осад, также характеризующих татарскую тактику в переходный период с непривычной стороны. Так, Саадет-Гирей I в конце зимы 1532 г. пытался взять «украинный» литовский замок Черкассы, обстреливая из своей артиллерии [см.: 6], Сахиб-Гирей во время своего неудачного похода на Москву в 1541 г. сперва пытался форсировать Оку под прикрытием огня своей артиллерии, а затем приступал к Пронску, также подвергнув крепость бомбардировке из своего наряда [см.: 7]. Девлет-Гирей в 1552 г. подступал к Туле при поддержке артиллерийской канонады [см.: 8], а затем аналогичным образом действовал в 1565 г. против Болхова [см., например: 5]. Наконец, в июле 1572 г. Девлет-Гирей использовал свою артиллерию, пытаясь форсировать Оку под Серпуховым [см., например: 3].

Вместе с тем мы не согласимся с тезисом автора, который полагает, что «ликвидация крымскотатарской государственности в 1783 г. оборвала динамически развивающуюся историю тактики крымцев, в последние годы

существования ханства серьезно отошедшей от традиционного военного искусства» (с. 166), поскольку (и сам автор на это указывал ранее) дело не только и не столько в самих татарах, сколько в том, что Крымское ханство существенно отставало в политико-административном плане от своего основного противника – Российского государства и, само собой, было намного беднее ресурсами. В этих условиях никакие тактические изыски не могли спасти ситуацию – порядок бьет класс, и Бог всегда на стороне больших батальонов, тем более что крымские военачальники, как подчеркивает автор, не могли позволить себе относиться к собственным войскам как к расходному материалу (с. 212–214). «Крымская армия была «стеклянной пушкой», – пишет историк, и в этом с ним трудно не согласиться, – мощной, но хрупкой, и полководцы должны были учитывать, что чрезмерные потери подорвали бы военный потенциал государства» (с. 224). Эта проблема накладывала серьезные ограничения на действия татарских военачальников и, в известном смысле, не позволяла им идти до конца, не считаясь с потерями, в стремлении нанести решительное поражение неприятелю. Видимо, именно этим и можно объяснить то, что, согласно статистике, татары чаще терпели неудачу в открытом бою, нежели побеждали в нем. На это обстоятельство и обращает внимание автор в заключительном разделе последней главы. По его мнению, и с ним можно согласиться, разные критерии победы у татар и их противников («обе стороны считали, что добивались успеха. Крымские татары – тем, что задерживали продвижение противника и наносили ему урон, неприятель – тем, что удерживал за собой поле боя», с. 237) приводят к парадоксальному положению, когда «нет надежных оснований говорить, что крымские татары выиграли большинство битв, в которых участвовали, также нет оснований для утверждения обратного» (с. 237).

В заключении к своей работе автор подводит общий итог своих изысканий, отмечая, что «вооруженные силы Крымского ханства динамически изменялись с течением времени, реагируя на вызовы эпохи» (с. 238). Процесс этих изменений, подробно проанализированный исследователем с привлечением широкого круга разнообразных источников, не оставляет сомнений в том, что да, действительно крымской правящей элите удалось на протяжении почти четырех столетий создать достаточно эффективную военную систему. Во многом благодаря ей Крымское ханство, существенно уступая своим главным противникам, России и Польско-литовскому государству, играло в восточноевропейской политике чрезвычайно важную роль. Другое дело, что потенциал развития, заложенный внутри этой системы, был довольно ограничен, и когда он был исчерпан, Крымское ханство проиграло гонку вооружений и соревнование военных систем и пало.

В целом же, характеризуя монографию А. А. Шейхумерова, отметим, что, несмотря на кажущуюся порой эпатажность и парадоксальность тезисов ав-

тора (впрочем, нельзя не отметить, что тезисы автора основаны на скрупулезном анализе первоисточников и хорошо аргументированы), тем не менее работа удалась. Конечно, это не полноценная «энциклопедия» по крымско-татарскому военному делу эпохи позднего Средневековья – Нового времени (уже хотя бы потому, что в работе не затронут ряд важных аспектов развития военного дела Крымского ханства, например, логистика, и главный упор сделан на события XVII и XVIII вв.). Однако это серьезный шаг вперед не только в изучении истории Крымского ханства и его культуры (а военная культура, несомненно, важная составляющая культуры любого общества), но и в целом истории Восточной Европы и кочевого мира, равно как и истории военного дела Нового времени. Отдельные опечатки не портят общего благоприятного впечатления от исследования. Без обращения к «Армии Крымского ханства» теперь нельзя представить полноценную работу по истории военного дела и внешней политики региона в рассматриваемый период, и в этом главная заслуга автора монографии. Выразим надежду, что А. А. Шейхумеров не остановится на достигнутом и продолжит работу в выбранном направлении над более широким и масштабным исследованием особенностей развития крымского военного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдужемилев Р. Р.* Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 4 // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 203–233.

2. *Клаузевиц, К. фон.* О войне. Т. 1. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastika, 2002. 558 с.

3. *Пенской В.В.* Сражение при Молодях 28 июля – 3 августа 1572 г. История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 127–236 // [Электронный ресурс] URL http: //www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1 (дата последнего обращения 18.04.2020).

4. *Пенской В. В.* Сражение при Судьбищах 3–4 июля 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология. Экономика. Информатика. № 7 (62). 2009. Вып. 10. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. С. 87–95.

5. *Пенской В. В.* Там, вдали, за рекой… (русские города «на Поле» в борьбе с татарской агрессией в XVI в.) // История в подробностях. 2011. № 9 (сентябрь). С. 6–15.

6. *Пенской В. В.* Черкасское сидение // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть IV. СПб., 2016. С. 302–315.

7. *Пенской В. В.* «Царь крымьскый пришел ко брегу Окы-реки с великою похвалою и с множьством вьинъства своего…». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 41–47.

8. *Пенской В. В., Пенская Т. М.* «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Гирея I летом 1552 г. и начало «войны двух царей» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 3. С. 524–544.

9. *Тюленев В. М.* Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 288 с.

10. Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.

11. Lynn J. The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case // The Journal of Military History. Vol. 55. № 3 (Jul., 1991). P. 297–330.

12. *Roberts M.* The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L.: Weidenfeld und Nikolson, 1967. P. 195–225.

Сведения об авторе: Пенской Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); penskoy@bsu.edu.ru.

"And more than hundred thousands of troops are with me…". Military science of the Crimean Khanate during the Modern Times:

the review of A. A. Sheykhumerov's monograph Army of the Crimean Khanate: the organization and tactics (XV–XVIII centuries). Kazan – Simferopol: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. – 304 p.

Vitaly Penskoy

(Belgorod National Research University)

Abstract. A study "The Army of the Crimean Khanate" of a young Crimean historian A. A. Sheykhumerov was published last year. It is devoted to the Crimean

Khanate's warfare in Modern Times (XV–XVIII centuries). The purpose of work, chosen by the author, is not clearly related to the number of popular and actively developed by domestic historical science topics. As the basic topic of research the historian took this problematic method and concentrated on analyzing key stories from the history of the Crimean warfare development in the New Times. This book in modern Russian historiography is the first essay on warfare of the Crimean Tatars. It allows us to have a holistic view of its main features and characteristics. The review gives a brief description of the structure and content of work and makes notes of some disputable points in the author's concept and interpretations of individual moments in the history of the Crimean warfare evolution.

Keywords: Modern Times, military history, history of warfare, Crimean Khanate.

For citacion: *Penskoy V. V.* «And more than hundred thousands of troops are with me…». Military science of the Crimean Khanate during the Modern Times: the review of A. A. Sheykhumerov's monograph "Army of the Crimean Khanate: the organization and tactics (XV–XVIII centuries)". Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review.* 2020, no. 1, pp. 225–240. DOI: 10.22378/kio.2020.1.225-240

REFERENCES

1. Abduzhemilev R. R. *Remmal` Xodzha. Xronika «Tarix-i Saxib Geraj xan» («Istoriya o xane Saxib Gerae»*) [("The Story of Khan Sahib Gerai"]. Chast` 4. *Kry`mskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review]. 2019. № 2. S. 203–233.

2. Klauzevicz, K. fon. *O vojne* [About War]. T. 1. M.: OOO «Izd-vo AST» [Publishing house AST]; SPb.: Terra Fantastika, 2002. 558 s.

3. Penskoj V. V. *Srazhenie pri Molodyax 28 iyulya 3 avgusta 1572* [The Battle of Molodi, July 28, August 3, 1572]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of warfare: research and sources]. 2012. T. II. S. 127–236 // [E`lektronny`j resurs] URL http: //www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1 (data poslednego obrashheniya 18.04.2020).

4. Penskoj V. V. *Srazhenie pri Sud`bishhax 3–4 iyulya 1555 g. – e`pizod russko-kry`mskogo protivostoyaniya* [The Battle of Sudbishy, July 3–4, 1555 – an episode of Russian-Crimean confrontation]. *Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, Politologiya. E`konomika. Informatika* [Scientific reports of Belgorod State University. Series of History, Political Science. Economy. Computer science]. № 7 (62). 2009. Vy`p. 10. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2009. S. 87–95.

5. Penskoj V. V. *Tam, vdali, za rekoj… (russkie goroda «na Pole» v bor`be s tatarskoj agressiej v XVI v.)* [There, in the distance, across the river ... (Russian cities "on the Field" in the fight against Tatar aggression in the XVI century)]. *Istoriya v podrobnostyax* [History in details]. 2011. № 9 (sentyabr`). S. 6–15

6. Penskoj V. V. *Cherkasskoe sidenie* [Cherkasy siege] *Vojna i oruzhie. Novy`e issledovaniya i materialy`. Trudy` Sed`moj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 18–20 maya 2016 goda* [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference, May 18–20, 2016]. Chast` IV. SPb., 2016. S. 302–315.

7. Penskoj V. V. *«Czar` kry`m`sky`j prishel ko bregu Oky`-reki s velikoyu poxvaloyu i s mnozh`stvom v``in``stva svoego…». Stoyanie na Oke v 1541 godu* ["The Crimean king came to the bank of the Oka River with great praise and with a multitude of his troops ..." Standing on the Oka River in 1541]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. 2011. № 12. S. 41–47.

8. Penskoj V. V., Penskaya T.M. *«Bol`shaya igra» v Vostochnoj Evrope: tul`skaya e`kspediciya Devlet-Gireya I letom 1552 g. i nachalo «vojny` dvux czarej»* ["The big Game" in Eastern Europe: Tula expedition of Devlet Giray I in summer of 1552 and beginning of "War of Two Kings"]. *Zolotoordy`nskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2019. T. 7. № 3. S. 524–544

9. Tyulenev V. M. *Rozhdenie latinskoj xristianskoj istoriografii. S prilozheniem perevoda «Cerkovnoj istorii» Rufina Akvilejskogo* [The birth of Latin Christian historiography. With the appendix of translation of the "Church History" by Rufin of Aquileia]. SPb.: Izd-vo Olega Aby`shko [Publishing house of Oleg Abyshko], 2005. 288 s.

10. Sheykhumerov A. A. *Armiya Krymskogo hanstva: organizaciya i taktika (XV–XVIII vv.)* [Army of the Crimean Khanate: the organization and tactics (XV–XVIII centuries)]. Kazan – Simferopol: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 304 p.

11. *Lynn J.* The Trace Italienne and the Growth of Armies: The French Case // The Journal of Military History. Vol. 55. № 3 (Jul., 1991). P. 297–330.

12. *Roberts M.* The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L.: Weidenfeld und Nikolson, 1967. P. 195–225.

About the author: Penskoy Vitaly Victorovich – Dr. of Sci. (History), ass. prof., Prof. of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University"(SRU "BelSU") (308015, Belgorod, Pobedi St., 85, Russian Federation); penskoy@bsu.edu.ru

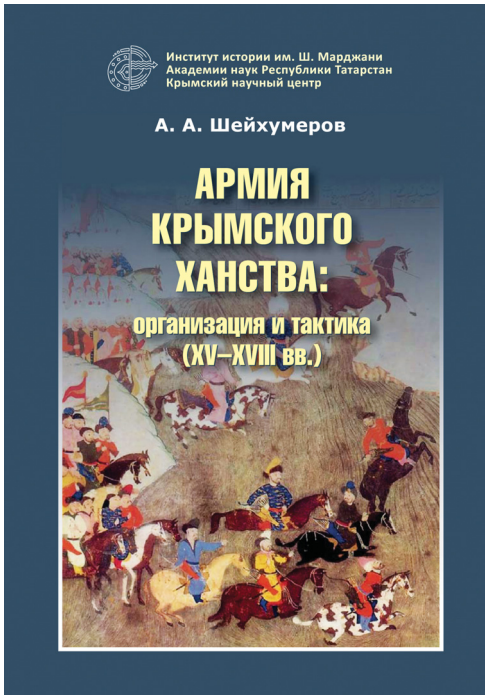

Иллюстрация к статье: Виталий Пенской. «А более ста тысяч рати у меня есть…». Военное дело Крымского ханства в Новое время: рецензия на монографию А. А. Шейхумерова «Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 304 с. (Стр. 225–240).

Иллюстрация к статье: Наталья Яблоновская. Новый шаг к популяризации публицистического наследия Исмаила Гаспринского. Рецензия на III том Полного собрания сочинений Исмаила Гаспринского «Публицистика:1887–1890 гг.» (Казань – Симферополь, 2019) (Стр. 251–256).